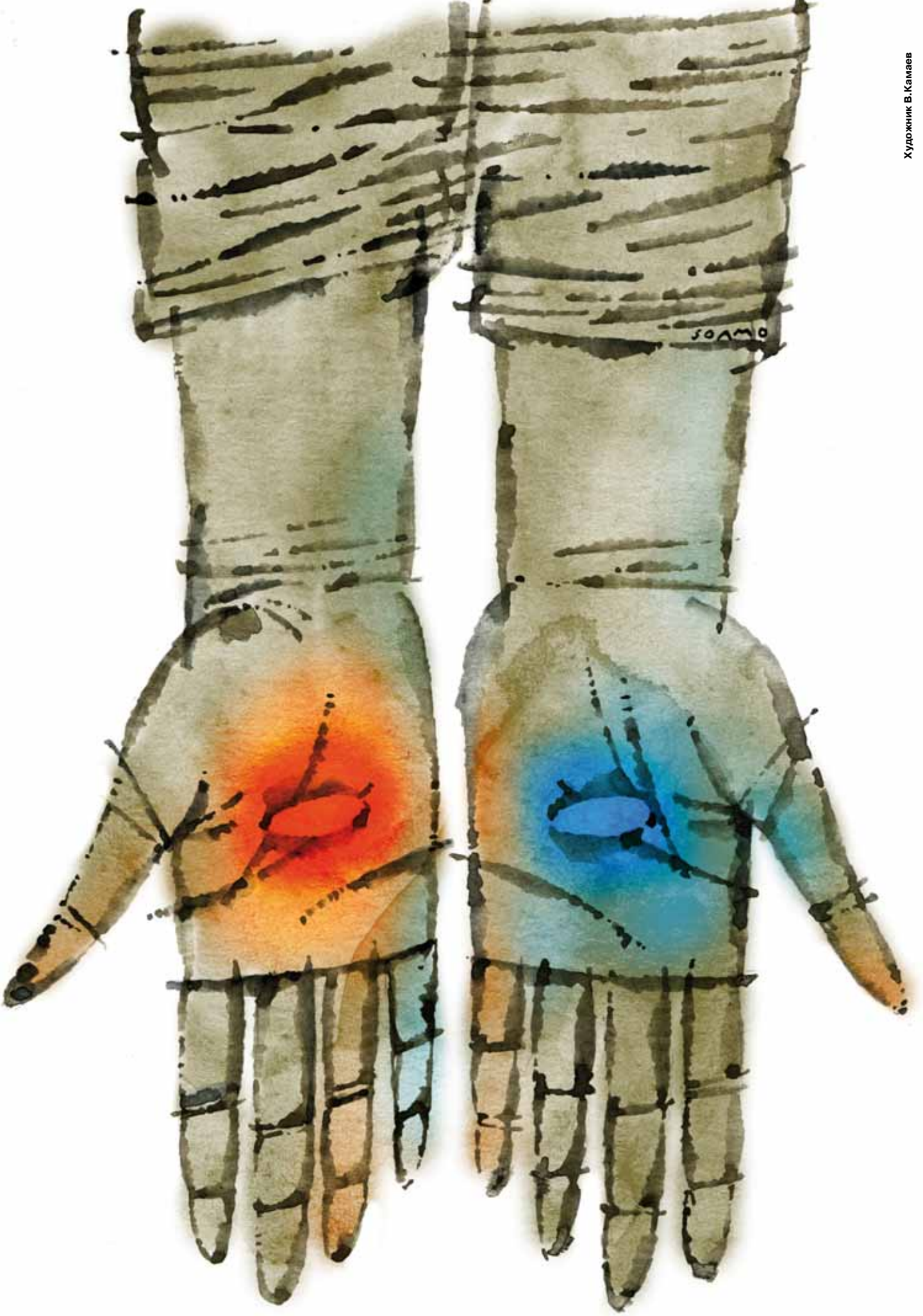

Художник В.Камаев

Чертов слон

Александра Тайц

Айса не пользовалась мемокастом. Никогда. Точнее, было один раз, когда ей исполнилось семнадцать, и был этот кошмарный выпускной, и она выпросила у мамы красную овальную таблетку, причитая, что она не сможет после такого жить, просто не сможет жить, мама, ну все же этим пользуются! Мама вздохнула и поджала губы. Таблетку, однако, дала, и Айса старательно переписала на прилагающуюся бумажку все важные события прошедших суток:

1. Был выпускной.
2. У меня хороший средний балл.
3. Мы с Дорин послезавтра идем в «Вонючую Розу» отмечать.
4. Дорин начала встречаться с Майклом, она будет занята на неделе.
5. Мистер Грэхем — зеленая жаба.
6. Марихуана на меня действует угнетающе. Обратить внимание! Не мешать с алкоголем.
7. У меня самые лучшие на свете родители.
8. Я больше не встречаюсь с Джереми.

Все остальное, пожалуй, было в самый раз для мемокаста. Потные корявые ручки мистера Грэхема, разбитые склянки в кабинете химии, Джереми под ручку с девицей из десятого класса (крашеной стервой), спустившийся чулок, черная волна горя после первой же затяжки, какая-то заброшенная квартира в Ной Вэлли, истошный визг сирен, строгие люди в тяжелой одежде: мисс, вы нас слышите? Мисс? Как вас зовут? Сколько пальцев? Нам необходимо позвонить вашим родителям, мисс…

Так вот после того раза — все. Не то чтобы она была против. Но когда проснулась, то ни крашеная стерва, ни чулок — ничего из этого не исчезло. Наоборот, стало как будто ближе и отчетливее. Она засунула голову под подушку и попыталась снова уснуть. Над головой висел мистер Грэхем с расстегнутой ширинкой. У Джереми рот был перепачкан розовым. Пахло дымом. Она зажмурилась и попыталась сосредоточиться. Она прекрасно помнила мамину руку с таблеткой. И как зубы о стакан стучали.

Айса встала, подошла к зеркалу. Безумный взгляд, расширенные зрачки. Сухие губы. Она подняла руку. Да, легкая синева под ногтями. И голова раскалывается. Все признаки приема налицо.

Кроме одного. Она все прекрасно помнила. Это было ужасно несправедливо.

Людей, на которых не действовал модулятор памяти, было исчезающе мало. Настолько мало, что законы, регулирующие прием модулятора, их не учитывали. В общем, невосприимчивые к мемокасту считались городской легендой.

— Анастасия Мак-Ги. Городская легенда, — поклонилась Айса зеркалу. Зеркало хихикнуло. То есть это Айса хихикнула, а зеркало это отразило.

Дома никого не было, и она, не одеваясь, прошлепала на кухню. Нашла мамины сигареты, закурила — что уж теперь-то. Все равно все пропало, можно напоследок получить удовольствие. Налила себе кофе из кофейника, поморщилась — Айса терпеть не могла эту жидкую бурду, но варить было лень. Выглянула на улицу. На остановке стояла девчонка лет пятнадцати с ярким красным пятнышком на лбу.

Двое суток модуляции, привычно подумала Айса. Случилось у нее что-то такое, что даже доктор выписал, хоть и несовершеннолетняя. «Бедная девочка, — вдруг повторила она мамину мысль и сама себе удивилась: она, Айса, тоже бедная, и, пожалуй, понесчастнее, чем эта незнакомая девчонка. Та, считай, уже все забыла, а ей, Айсе-бедняжечке, теперь всю жизнь все помнить. Как слон.

— Как чертов слон! — закончила она вслух, допила кофе, затянулась, потушила сигарету и принялась обдумывать факты. Вообще-то… Если подумать… Есть и плюсы… Говорят, у них голова болит потом кошмарно, а у нее уже прошла… И вообще…

Когда пришла мама, Айса уже все продумала.

— Заинька, ну как ты? — спросила мама осторожно.

— Слушай, поразительно, совершенно ничего не помню! Голова только очень болела, — улыбнулась умытая, причесанная и веселая Айса. — Это так и должно быть?

— Ну и слава тебе господи, — вздохнула мама облегченно. — Моя ты умница! Пойдем тогда суши есть? Надо же отпраздновать это дело!..

Потом они выбирали тряпочки — в чем пойти в суши-бар — и чуть не подрались — кто наденет черную блузу с капюшоном, — потом помирились, потом мама уложила волосы вверх и залила лаком, как у японки, Айса сначала стеснялась, а потом тоже так сделала. Ну и ладно, подумала, пусть смотрят. Красиво же!

Потом они доехали до бара, и сразу нашли парковку, и цокали на каблучках по сверкающему тротуару — цок-цок-цок, а прохожие оглядывались и улыбались, а в баре папа уже ждал их, столик самый лучший, у окна, занял, и самое главное — Большой Брат Энтони тоже их там ждал! Он только что приехал, домой нарочно не заходил, хотел, чтобы сюрприз, и Айса визжала и прыгала как настоящая Маленькая Сестра, хотя и взрослая уже барышня вроде, выпускница.

Так вот, после того раза она модулятором не пользовалась. И как-то не надо было — жизнь у Айсы складывалась очень удачно. В колледж поступила сразу после школы. Училась хорошо, ни одного экзамена не завалила, ни одного теста даже. Пару раз, когда Джеф уезжал во Францию, например, или когда она случайно попала в драку на стадионе, Айсе приходило в голову, что неплохо бы… Но, вообще говоря, вполне можно и потерпеть. Выхода-то иного не было.

В то время практика модулирования памяти стала одной из любимых тем для политических баталий — наряду с абортами и налогами. Правые ожесточенно спорили с левыми, первые упирали на возможность злоупотреблений, вторые — на несомненное падение показателей депрессии

и общий рост психического здоровья населения.

— Мемокаст делает людей счастливыми! — вопили одни. — Количество самоубийств сократилось на восемьдесят четыре процента!

— Это вмешательство в личное пространство! — орали другие. — Это открывает путь для злоупотреблений! Только за последний год произошло более тысячи случаев обмана доверия! Придет к вам такой милашка-Джон, замешает в еду таблеточку, а сам вашу жену совратит. Или миллион одолжит!

— Только дебил может одалживать миллион без расписки, — возражали любители ослов.

— Только безнравственный человек может глушить себя наркотиками и убегать от реальной жизни, – не менее справедливо говорили их противники…

Через пару лет, однако, после изобретения усовершенствованного препарата, названного мемолайтом, споры поутихли. Модулятор нового поколения уничтожал не воспоминания как таковые, а эмоциональную память. Приняв его, человек сохранял полную фактическую память о событиях. Он помнил все, что случилось, однако абсолютно не помнил собственных чувств. Словно перелистал книжку, в которой шла речь о событиях, произошедших с симпатичным литературным героем. Мемолайт стали активно и бесконтрольно использовать в полиции, госпиталях, Службе спасения и особенно — в действующей армии. Разумеется, квадратные коробочки с нежно-голубыми таблетками мгновенно появились и у дилеров. Возникли новые зависимости, новые ритуалы — так, например, при разводе пары могли выписать у психолога «Набор для расставания» — пару таблеток в коробочке с бантиком. И расстаться красиво.

Первый мемокаст быстро потерял популярность — его теперь использовали исключительно в острых случаях или, иногда, прописывали больным с посттравматическим синдромом, а в редких случаях давали при общессиях — оказалось, что при навязчивых состояниях кратковременная потеря памяти облегчает восприятие жизни.

А легкий модулятор, или, как его коротко называли, «лайт», оказался просто спасением. Его охотно назначали в случае семейных конфликтов, он входил в аптечку первой помощи, его выдавали в отделе кадров в момент увольнения… Да что там! — можно было просто съездить на угол Шестой и Мишн-стрит и купить сколько душе угодно у мексиканцев (почему-то именно мексиканцы продавали голубые таблетки).

Айса далеко не сразу поняла, что Леон принимает мемолайт. Леон вообще был рассеянным, и настроение у него менялось, как погода в апреле. Только что хмурился, не тронь, а потом отвернешься к раковине посуду вымыть — он ухватит за задницу и потащит на диван, приговаривая на ухо: самая лучшая попка в мире, ни у кого такой нет, только у Анастасии Мак-Ги, без пяти минут доктора наук. Айса от этого таяла.

А потом что-то сломалось, он стал приходить поздно, стал браниться на Айсиных длинноволосых друзей — мол, куда это годится, как тебе не стыдно, взрослая женщина, якшаешься со всяким сбродом! Ну и Айса тоже не удерживалась. И про Ротари-клуб фырчала, и про благотворительные обеды эти в Фэйрмонт-отеле. Однажды вообще посоветовала ему катиться в свой Техас — там он найдет бабу с пятым размером лифчика и без мозгов и будет из ружья стрелять.

Леон молча оделся и ушел и дверь за собой закрыл очень аккуратно.

Однако на следующий день на лекции сел рядом и начал показывать какие-то свои новые чертежи. Дескать, вчера не спалось, смотри, ведь очень неплохой мост, как ты думаешь? Я такого ни у кого не видел, и ведь крепко будет!

Она сначала обрадовалась, что Лео не сердится. А потом такое же случилось еще раз. И еще…

— Лео, — начала Айса и почувствовала, что язык прилипает к гортани, — милый, ты принимаешь лайт?

— Конечно! — улыбнулся Леон. — Разумеется! Совершенно, заметь, легально: мне мой психолог выписал. А ты разве не принимаешь?

— Да я как-то… — запнулась Айса.

— Надо непременно сходить и выписать! — продолжал Леон. — Ты что! Зачем тебе эти гадости? Эдак никаких нервов не хватит.

— Понимаешь, — начала Айса нерешительно, — я думала, что… ну, то, о чем мы говорим и что мы при этом чувствуем… ну, что это имеет какое-то значение.

— Глупый доктор Мак-Ги, — рассеянно погладил ее по голове Леон, — чего ж в этом такого жутко значимого? Говорим всякую чушь, расстраиваемся. Зачем это помнить? Но когда все хорошо, то я ничего не принимаю, — быстро добавил он.

Неделю Айса думала. Потом пошла к психологу, очень убедительно попросила «набор для расставания» и получила две таблетки в маленькой коробочке, перевязанной ленточкой.

«Признайте очевидное: вы стали чужими друг другу, — увещевал прилагаемый к набору буклетик. — Вы пробовали все — путешествия, необычный секс, общие хобби. Вы даже попробовали легкую модуляцию. Пора принять решение. Наш препарат сделает ваше трудное решение не только терпимым, но даже радостным! Наряду с полной модуляцией момента последнего объяснения — самого тяжелого времени в любом разрыве — мы предлагаем легкую ретроградную сексуально-эмоциональную коррекцию. Помните о своем партнере только хорошее. Завтра у вас появится новый друг. Это прекрасно!»

«Ерунда какая!» — подумала Айса.

Дальше в буклетике шли подробные инструкции. В частности, рекомендовалось начать процедуру около восьми вечера, где-нибудь в романтической обстановке, при свечах. На последней странице была табличка — когда нужно принимать таблетку в зависимости от того, когда произошел ВАЖНЫЙ РАЗГОВОР и на какой срок распространяется полная модуляция. Рядом стыдливыми серыми цифирьками указывался срок предполагаемой ретроградной эмоциональной коррекции.

«Месяц, — подумала Айса. — Во врут!»

И заказала ужин во французском ресторане.

— Вот, — сказала она и положила коробочку на столик.

— Ох! — воскликнул Леон. — Ну зачем это?

— Не забудь все аккуратно записать, — напомнила Айса. — Ты когда-нибудь принимал первичный мемокаст? Принимать нужно утром. Чтобы потом откат был на сутки. Ведь больше не выписывают. И не забудь наклеечку.

— Ну, было пару раз, да… — сказал Леон. — Потом голова болит ужасно. И вообще…

— Ну, это строго говоря, совсем необязательно, — сказала Айса, — в смысле — принимать.

— Да, — сказал Леон.

Они вернулись домой. Айса складывала вещи, а он сидел, свесив руки, на разобранной постели. Потом приехало

такси. Потом они долго целовались перед выходом, пару картинок со стенки уронили, Айса слизала соленое у него со щеки и уехала.

Потом были выходные, а в понедельник Леон сидел на лекции рядом с Марисой Эль Пасо и что-то ей рассказывал шепотом. На лбу у него была наклеечка. Лиловая. Одни сутки.

«Как чертов слон! — подумала Айса. — Бедная Айси! И плюс еще ретроградная ерундовина!»

И тут мир покачнулся. Со стены аудитории соскочила зеленая стеклянная доска и разбилась на тысячу осколков. Мистер Мелори отступил назад и вытянул руки, лицо у него стало удивленным и каким-то детским, потом стена, на которой висела доска, пошла трещинами — странно-медленно, словно Айса смотрела кино на низкой скорости. Трещины превратились в дыры, стена вспучилась, студенты повскакивали с мест, кто-то начал кричать. Потом стена разлетелась на куски, мимо уха пролетел портрет Джакомо Бенциони в академической шапочке. Из разлома взорвалось черным и оранжевым, пол накренился, Айса упала и поехала куда-то вниз, все быстрее, но успела заметить, что потолок почему-то стал совсем близко, а потом на грудь ей шлепнулось что-то мягкое. Она скосила глаза и увидела старческую руку с зажатым в ней куском мела. На руке были веснушки и редкие рыжие волосы. Айса зажмурила глаза, поджала ноги к животу и собралась умереть.

Но не умерла.

Она почувствовала запахи травы, дыма и чего-то едкого. Щелочь?

— Мисс? — Над ней наклонилась толстая чернокожая девушка в ярко-желтом комбинезоне. — Мисс?..

— Айса, — подсказала Айса и попыталась пошевелиться. — Я ничего не сломала! — добавила удивленно.

— Не вставайте, сейчас придет доктор, — пояснила черная девушка, — не вставайте, у вас шок.

Айса приподнялась на локте, огляделась. Она лежала на центральной лужайке, засыпанной осколками, щебенкой и догорающими кусками дерева. Рядом с ней лежала Лин с третьего курса. Айса перевела глаза дальше и обнаружила, что Лин здесь только до колен, а ниже начинается зеленая трава.

«Ой!» — подумала Айса.

Таких везучих, как Айса, оказалось довольно много. Потом они вместе с полицейскими и Службой спасения разносили воду, клали на носилки, бинтовали, заворачивали в одеяла и (Айса поморщилась) искали недостающие части тела.

— Зато, — преувеличенно бодро сказала Айрин, пожарная, которая нашла Айсу, — представляешь, вот мы ее нашли, — она указала на стопу в полиэтиленовом пакете, — ее пришьют, и он будет как новый, — правда здорово?

— Здоровее не бывает, — согласилась Айса. — Ты выпить потом не хочешь?

— Надо разнести таблетки тем, кто еще здесь, — напомнила Айрин. — И самим принять. А потом — да.

Точно, подумала Айса. Таблетки. Она смотрела в новостях, как после терактов людям дают на выбор мемокаст или лайт. Хочешь — вообще забудешь, хочешь — будешь помнить, но ничего не чувствовать. Подходит медбрат или волонтер, протягивает на ладони обе таблетки, говорит — вы можете выбрать любую.

— Вы можете выбрать, — автоматически говорила она и протягивала открытую ладонь…

Многие из пострадавших выбирали красные таблетки. Айса их понимала. Она выдавала выбравшим наклейки (зеленые, четыре часа модулированной памяти), карандаши и бумагу, чтобы записать важные моменты. Иногда человек не мог писать, тогда приходилось записывать под диктовку.

— А те, кого уже увезли? — спросила Айса.

— Им в больнице выдадут, — ответила Айрин. — Всё, слушай! Подожди меня здесь, я помогу раненых грузить. Там почти уже закончили. Нет, не ходи со мной, а то ты свалишься, мне не с кем будет выпить.

Айрин вернулась через полчаса, одетая в майку и джинсы, и принесла огромную оранжевую футболку для Айсы.

— Надень прямо на голое тело, — сказала она. — И пояс! — Она протянула широкий кожаный пояс.

— Как будто платье, — усмехнулась Айса.

— Да вообще шикарно! — похвалила Айрин. — Еще можно причесаться. Пойдем. Это в двух шагах, там никогда никого нет. Место с удивительным названием «Туберкулеза».

— Врешь!

— Провалиться мне на этом месте! — И Айрин даже побожилась. — Хозяин не знал, как пишется слово «тубероза». Короче, перепутал. А уже потом визитки напечатал, предприятие зарегистрировал…

Айрин не соврала. Бар действительно так назывался. Но все остальное там было просто замечательно: полутьма, тишина, черная деревянная стойка, скрипучие табуретки, улыбчивый бармен, мерцающий призывно пинболл в глубине зала.

— За счет заведения, — взглянув на них, бросил бармен. — Как там?

— Да так себе, — пробурчала Айрин, — бывало лучше. Правда, — добавила она, — хуже тоже бывало. Дай, пожалуйста, водички, девочка еще таблетку не пила.

Айрин протянула Айсе открытую ладонь с двумя таблетками.

— Ты можешь выбрать любую, — произнесла она стандартную фразу. И добавила: — Давай выбирай, а то выпить очень хочется.

— Ты ведь только лайт взяла? — спросила Айса нерешительно, оттягивая момент. Ей ужасно не хотелось врать. — Ну, наклейки-то у тебя нету? Лайт, значит?

— Видишь ли, — начала Айрин несколько смущенно, — тут такое дело, понимаешь. Есть люди… Их мало. Дефект обмена веществ. В работе это здорово мешает, — добавила она зачем-то.

— Это не дефект, — сказала Айса. – Это просто так есть. Кто-то же должен помнить. Завтра я приду в универ, а они все забудут. Все… вот это. Это неправильно. Кто-то должен помнить, как все было на самом деле. Вообще все.

— Как чертовы слоны, — усмехнулась Айрин.